

Война отражается в детских глазах

В сорок втором году в одной из квартир блокадного Ленинграда лежала на кровати умирающая женщина. Она была еще совсем молода. Но известие о гибели мужа словно придавило ее, а разбавленный водой клей больше не мог поддерживать тающие день ото дня жизненные силы. К вечеру она перестала дышать. По бокам, прижавшись к телу матери, лежали дети: мальчик и девочка. Они тоже были страшно истощены, но жизнь в них еще теплилась. То, что в квартиру в этот день забрел санитарный патруль, стало маленьким чудом. Детей спасли. Выходили и подлечили в госпитале, а затем отправили за Урал в детский дом. Жизнь Юрия Сована оказалась долгой, полной разных событий: взлетов, огорчений, побед. Но где-то в глубине души он всегда оставался тем мальчиком, прижавшимся к умирающей от голода матери.

Привычный порядок вещей вдруг исчез и жизнь потекла по другим законам. «Нас спасло, наверное, то, что по нашим местам шли итальянцы и румыны. Румыны двигались, как цыгане: с кибитками, с тряпьем. Они не так зверствовали, как немцы...» - вспоминает Лина Петровна Агафонова. - Когда в нашем доме обосновался штаб, нас выгнали на улицу. Ютились у соседей. А от бомбежек прятались в расположенных поодаль от строений погребах. Они в донских хуторах не такие, как наши, сибирские. Вниз ведут ступени, а не крутая вертикальная лестница. Да и места внутри побольше. Там нас, ребятшек, и прятали, прихватив самые необходимые вещи. Мне отчего-то врезалось в память, что у оккупантов и техники, и оружия было больше, чем у наших, или так от страха казалось. Детская память избирательна. Я, к примеру, помню, как, отступая, они взяли наш таз, чтобы тяжеленный пулемет поставить на него и тащить за собой по снегу... А еще врезалось в память, как наш солдат, заглянув в опустевший после ухода врагов дом, увидел ребятшек, достал из кармана тряпочку, в которой был завернут кусок сахара, раскрошил его и всех нас угостил. Берек, видно, для себя, а нам не пожалел... - говорит Лина Петровна, и в ее голосе я слышу сдавленные слезы.

- Я помню, как вся ребятня в конце лета «дежурила» на берегу Оби у Заельцовского бора. Мы баграми вылавливали бревна, что плыли вниз по течению. Задача стояла - наловить побольше дров на зиму. Большие бревна, конечно, нам были не по силам, но маленькие подцепляли и тянули на берег... Тогда я, наверное, спину и надорвала. Юные были, надсажались и не замечали этого, - размышляет Галина Ивановна Мякшина.

Другое ее воспоминание о военном детстве очень болезненное и неприятное. Как-то бабушка отправила Галинку с карточками за хлебом в каменный магазин, что у клуба Кирова. Очередь длиннющая, а девчужке уже на занятия пора. Тут какая-то милостивая женщина подходит: «Торопишься? Ну, давай я тебе помогу, с той стороны зайду и быстро отоварю карточки и тебе хлеб вынесу...» Ждет-ждет, нет никого. Очередь подходит – талона нет. А значит, вся семья останется голодной. Но никто не пожалел. Ни продавец, ни другие очередники. А впрочем, что они могли сделать? Бабушка погоревала-погоревала, поругала, конечно, но наказывать внучку не стала. А Галина с того дня накрепко усвоила: не каждому человеку можно верить.

Для Антонины Михайловны Еременко, тогдашней восьмилетней Тонечки, одним из самых ярких воспоминаний военного детства навсегда останется осенний день, когда она как обычно пришла в сельскую школу. Они жили недалеко от станции Малышево, что в 90 километрах от Бологово. Враг уже топтал и жег родную землю, но председатель сказал, что, сюда, к Москве, его Красная армия точно не пропустит, и занятия в школе продолжались. На перемене мальчишки высыпали во двор, чтобы погонять тряпичный мяч. В это время появился немецкий самолет, который дал несколько пулеметных очередей по играющим детям...

Вера Антоновна Музыченко:

- Что помню из детства? Помню, как с братом на реку раков ловить ходили. Он приделает на нитку вар и эту наживку в норки спускает. Как рак зацепится, вытащит его и в ведро. А моя задача была ведро охранять, чтобы раки назад не вылазили. Притащим домой, наварим, а есть-то в них – одна шейка... И вот еще что, сейчас ребяташки попкорн любят, это у них вроде десерта, а мы его с голодухи ох как в детстве наелись. На раскаленную печку кладешь зерна, железными листами накрываешь, ну и ждешь, пока «взрывы» кончатся...

Не забыть

Об отце, Антоне Адамовиче, у Евдокии Антоновны Гаршиной, осталось только одно воспоминание. В сорок первом ей было всего два года и запомнить ничего она не могла, но вот года через полтора отец после ранения и лечения в госпитале ненадолго приехал домой. «Помню, платье на мне было в мелкий горошек. Папка держал меня за руку... И еще помню сушки! Вкуснее ничего не было на белом свете. А главное – никого не было счастливее меня в те минуты...» - говорит она.

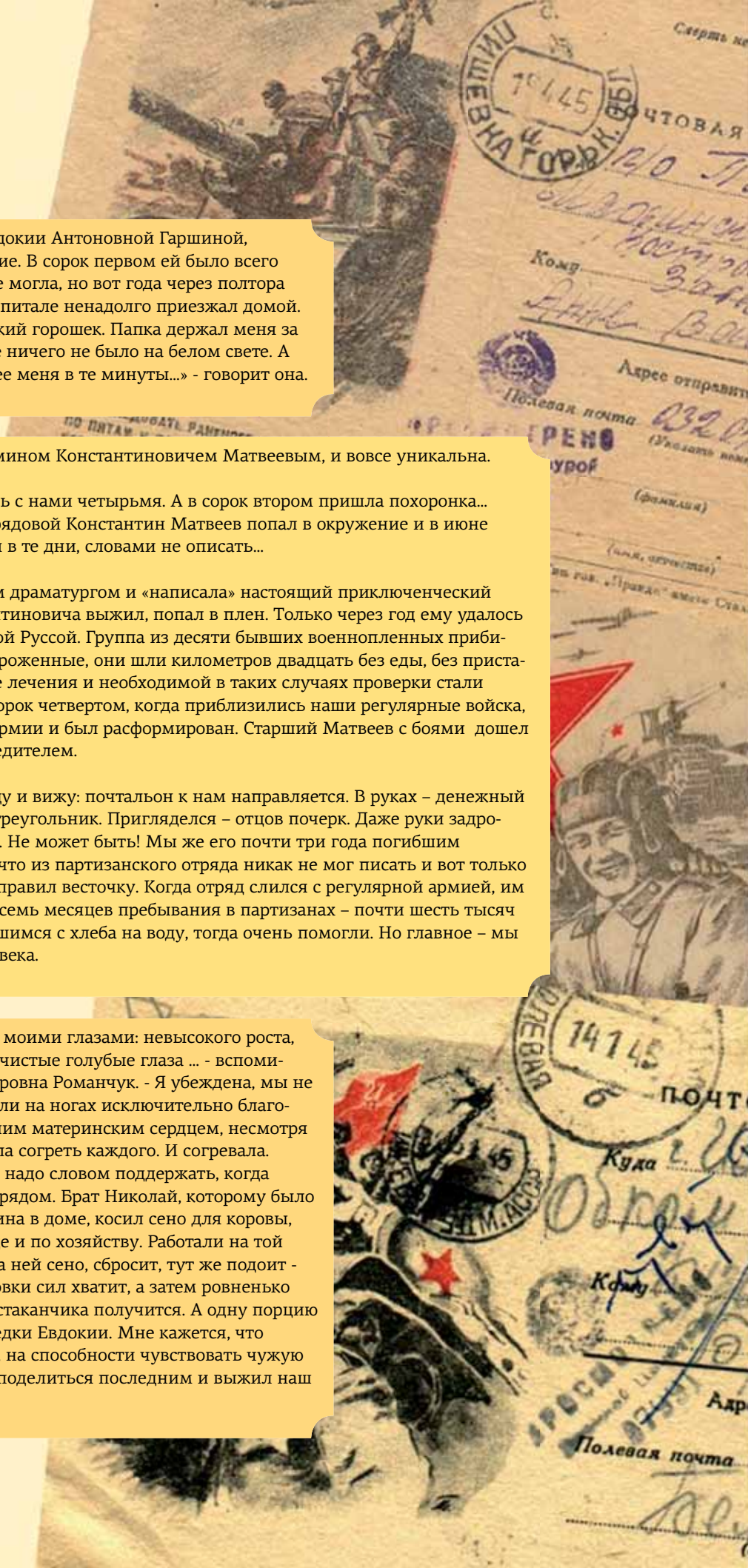
История же, рассказанная Вениамином Константиновичем Матвеевым, и вовсе уникальна.

- Отца взяли на фронт. Мать осталась с нами четырьмя. А в сорок втором пришла похоронка... Написали, так, мол, и так, гвардии рядовой Константин Матвеев попал в окружение и в июне пропал без вести. Что мы пережили в те дни, словами не описать...

Однако жизнь оказалась настоящим драматургом и «написала» настоящий приключенческий сценарий. Отец Вениамина Константиновича выжил, попал в плен. Только через год ему удалось бежать с торфоразработок под Старой Руссой. Группа из десяти бывших военнопленных приблизилась к партизанскому отряду. Обмороженные, они шли километров двадцать без еды, без пристанища, но добрались до своих. После лечения и необходимой в таких случаях проверки стали воевать в партизанском отряде. В сорок четвертом, когда приблизились наши регулярные войска, отряд влился в состав регулярной армии и был расформирован. Старший Матвеев с боями дошел до Праги и вернулся к родным победителем.

- Как сейчас помню, выхожу на улицу и вижу: почтальон к нам направляется. В руках – денежный перевод и толстенный солдатский треугольник. Пригляделся – отцов почерк. Даже руки задрожали и слезы навернулись на глаза. Не может быть! Мы же его почти три года погибшим считали... В письме отец объяснил, что из партизанского отряда никак не мог писать и вот только теперь при первой возможности отправил весточку. Когда отряд слился с регулярной армией, им сделали денежный расчет: за год и семь месяцев пребывания в партизанах – почти шесть тысяч рублей. Эти деньги нам, перебивавшимся с хлеба на воду, тогда очень помогли. Но главное – мы вновь обрели самого дорогого человека.

- Знаете, она и сейчас стоит перед моими глазами: невысокого роста, худенькая, бледненькая. И ясные, чистые голубые глаза ... - вспоминает о своей маме Тамара Владимировна Романчук. - Я убеждена, мы не погибли, выжили все и крепко стояли на ногах исключительно благодаря нашей маме. Она своим большим материнским сердцем, несмотря на усталость, на холод и голод, могла согреть каждого. И согревала. Она очень тонко чувствовала, когда надо словом поддержать, когда обнять за плечи и просто посидеть рядом. Брат Николай, которому было тринадцать лет, как старший мужчина в доме, косил сено для коровы, выполнял тяжелую работу в огороде и по хозяйству. Работали на той же самой корове. Мама привезет на ней сено, сбросит, тут же подоит - сколько там молочка запasti у коровки сил хватит, а затем ровненько поделит в чашки – каждому по полстаканчика получится. А одну порцию – для Петеньки, болезного сына соседки Евдокии. Мне кажется, что именно на этой нравственной силе, на способности чувствовать чужую боль, сопереживать, на готовности поделиться последним и выжил наш народ в ту войну, и победил!

Не обмани себя

Елена Костина
Фото автора

Это только кажется, что война – история. Что она далеко. Мы впервые приехали в Цхинвал в ноябре 2008 года. Левый снимок сделан именно тогда. Работы волонтерам хватало: составлять списки нуждающихся многодетных семей и одиноких стариков, раздавать одежду, продукты, медикаменты немощным, готовить и развозить горячие обеды, затягивать выбитые окна хотя бы полиэтиленом, потому что израненный город входил в зиму без воды, без отопления и часто без электричества, потому обогреть чудом уцелевшее жилище было для его хозяев большой проблемой. Не меньше работы было у психологов, отмечавших, что дети, не только те, кто двое суток провел в подвалах, скрываясь от пуль и осколков, но и тех, кто, вернувшись из Владикавказа, увидел родной

город разрушенным, словно разучились смеяться. Они открывались постепенно, шаг за шагом. Рисовали дома и страшные черные клубки под ними. Постепенно начинали проговаривать, что видели, что чувствуют, чего боятся.

Правый снимок сделан прошлым августом. Маленький Чермен был первым мальчуганом, в руках которого я увидела игрушечный автомат. Только вернувшись в Новосибирск и внимательно взглядевшись в снимок, я обратила внимание на то, как мой новый знакомый похож на мальчика с плаката, выглядывающего из-за посеченных осколками ворот своего дома. Сравните глаза этих мальчишек! Один смотрит из августа 2008-го, другой – год спустя.